

Когда крышу наконец перекрыли, дело пошло куда быстрее. Гоудань выплатил бригадирю Тану половину условленной суммы. Как тот будет делиться со своими людьми, парня не заботило — он просто отсчитал купюры при всей бригаде и передал мастеру. Судя по всему, мужики Тану доверяли безгранично. Да и не пошли бы за ним люди, окажись он гнилым человеком.

Ван Сюань, прослышав от Гоуданя, что обедами строителей заправляют снохи старой тетушки, привёз для них из столицы подарки: каждой по два комплекта одежды — один летний, другой зимний — и по паре изящных кожаных туфель. Раз уж женщины наотрез отказывались брать плату за свои хлопоты у плиты, отблагодарить их хорошими вещами было делом чести.

Женщины поначалу упирались, махали руками и ни в какую не хотели принимать свёртки. Пришлось Ван Сюаню отвести их в сторонку и поговорить с глазу на глаз. Лишь после этого они сдались. На расспросы Гоуданя, чем же он их заговорил, юноша лишь загадочно улыбнулся. Гоудань настаивать не стал: в общении с деревенскими бабами он был полным профаном. Стоило им разок сказать «не надо», как он тут же терялся и не знал, куда девать руки.

Женская логика казалась ему тёмным лесом. Ни прямота, ни хитрые заходы не помогали пробиться сквозь их упрямство.

Куда уж ему до Ван Сюаня! Тот обладал редким даром очаровывать женщин любого возраста. Стоило ему вернуться в деревню, как порог их дома стали обивать и старушки, и молодые невестки — просто так, «проведать» и словом перемолвиться. А-Сюань умел рассмешить каждую. самого Гоуданя в деревне многие побаивались: уж больно грозен с виду, крут нравом да и в выражениях не стесняется. Зато с Ван Сюанем бабы щебетали без умолку.

Старая тетушка пощупала ткань привезённых нарядов и одобрительно кивнула:

— И впрямь добротное сукно. Раз дарит от чистого сердца, берите и не ломайтесь, а то ещё подумает, что вы брезгуете.

Снохи с радостным писком утащили подарки. Одежда была на диво хороша, пошита по последней городской моде. Даже если сейчас надеть не решатся, отложат девчонкам на выданье — такое сокровище не пропадёт. А уж туфельки кожаные — боже правый! Да они в жизни не обували ничего мягче и краше.

Глядя на то, как вокруг его ненаглядного вьются местные кумушки, Гоудань лишь ревниво ворчал себе под нос:

— Пусть себе вьются, всё без толку. Ни зятем им не стать, ни внучатым зятем, зря только подошвы обивают.

— Скажешь тоже! — отмахнулся Ван Сюань. — Люди просто заходят спросить, не нужно ли чего по хозяйству помочь. А у тебя сразу сваты в голове.

— Да они на тебя смотрят как на кусок жирного мяса! Стоит тебе только намекнуть, что ищешь невесту, как наш новенький порог истопчут до самого основания.

Ван Сюань лишь покачал головой на эти собственнические капризы. Стройка близилась к завершению, но и их каникулы подходили к концу. Перед отъездом нужно было детально обсудить с бригадиром Танем оставшиеся работы. Коробку-то они подняли, но теперь следовало дожидаться, пока усядется раствор, чтобы разобрать деревянные леса. Впереди была отделка стен изнутри и снаружи, настил полов, штукатурка потолков и, самое главное, гидроизоляция крыши. Внутреннюю лестницу тоже требовалось отшлифовать и снабдить прочными перилами — задел на будущее, когда они соберутся возводить второй этаж. Пока же лестничный проём на крышу решили закрыть аккуратной плотной дверцей.

Дом отгрохали солидный — под сто восемьдесят квадратных метров. Летом в одноэтажной постройке под бетонным перекрытием могло стать душно, поэтому половину крыши решили перекрыть лёгким черепичным навесом вроде беседки. Там можно было обустроить склад для всякой всячины или отдыхать в тенёчке — так и солнце не пекло напрямую в потолок жилых комнат. Вторую, меньшую половину оставили открытой. Ли Сы сможет сушить там зерно, зелень или вялить мясо. Очень удобно: лестница вела прямо из дома, так что за добро можно было не беспокоиться — ни бродячие кошки с собаками не дотянутся, ни воришки не позарятся.

К тому же под навесом сушилось бы отлично даже в дождливые дни. Продумано всё было до мелочей. Одно плохо — на это требовались новые расходы, от которых у Ли Сы прямо-таки кровью обливалось сердце. Он втайне сокрушался: если уж сыну так боязно из-за летней жары, он бы и сам мог соорудить на крыше простенький шалаш из соломы. Зачем тратить лишние трудовые юани?

Но Гоудань взялся за дело с таким напором, что отец лишь беззвучно вздыхал, не решаясь перечить.

Теперь в глазах односельчан Гоудань и Ван Сюань превратились в людей солидных, выбившихся в люди. При встрече каждый так и норовил расплыться в улыбке и заговорить как можно уважительнее. Про прежнюю нищету и позорное клеймо самых бедных в деревне никто уже и не заикался. Стоило зайти разговору о семействе Ли Сы, как их непременно ставили в пример как одну из самых зажиточных и почтенных семей в округе.

К самому Ли Сы тоже начали обращаться как подобает: кто дядей звал, кто почтенным братом, а кто и дедушкой. Перестали наконец окликать панибратски. Раньше-то любой сопляк мог крикнуть ему вслед простое «Ли Сы!», ни во что не ставя взрослого мужчину.

Поистине, сытый кошелёк распрямляет спину лучше любого лекарства, а достаток возвращает человеку и гордость, и лицо.

И всё же на сердце у ребят было беспокойно. Беспокоясь, что Лао Сы не справится один со всеми хлопотами, они попросили Мингуана приглядеть за домом. Сдав дела, Гоудань и Ван

Сюань сели на поезд до столицы. Незаметно пролетел первый год учёбы — они уже перешли на второй курс. Время побежало быстрее. Казалось, они только-только перешагнули порог университета, а за плечами уже целый год. На втором курсе понимаешь, что не успеешь оглянуться, как наступит третий. Время больше не тянулось уныло, как на первом курсе, когда они только и думали: «Да когда же наконец этот выпуск?»

Теперь же в душе крепла уверенность: «Мы больше не зелёные первогодки». И на лицах парней уже проступала вальяжная лень бывалых студентов.

Всё-таки новичков от старожилов сразу видно.

Зная процедуру регистрации и оплаты до мельчайших деталей, ребята уладили все формальности в два счёта. После этого они с лёгким снисхождением наблюдали за суетой новоприбывших. Восторженные первокурсники и их взволнованные родители озирались по сторонам, исследуя каждый уголок кампуса. В столовых яблоку негде было упасть, из-за чего у Гоуданя пропало всякое желание туда соваться.

Одни закончили учёбу и ушли во взрослую жизнь, другие только начинали свой путь.

В университете всегда бурлила жизнь, а в эти дни из-за съехавшихся со всей страны родственников на территории воцарился форменный бедлам. Пользуясь тем, что лекции ещё не начались, Гоудань утанул Ван Сюаня подальше от этой суеты — просто побродить по улочкам столицы.

За каникулы все успели разлентиться, и возвращаться в рабочую колею никому не хотелось. Хоть вчерашним школьникам, хоть старшекурсникам — каждому требовалось время, чтобы снова привыкнуть к строгому распорядку дня.

На севере осень вступает в свои права стремительно. В сентябре по утрам уже заметно сквизило прохладой. И пусть в полдень ещё свирепствовала жара, которую в народе звали «осенним тигром», утренняя свежесть манила подольше поваляться в постели.

Если бы не излишняя сухость воздуха, осень можно было бы назвать идеальной порой.

Ван Сюань специально приготовил для Гоуданя особый увлажняющий крем. Тот поначалу упирался — мол, негоже мужику мазаться всякой девчачьей чепухой. Но лекарь переубедил его, пояснив, что снадобье сварено по старинному рецепту: никакого резкого запаха парфюмерии, да и на коже его совсем не видно.

Утром после умывания кожу немилосердно стягивало. Сдавшись, Гоудань зачерпнул пальцем добрую порцию мази и быстро растёр по лицу и тыльной стороне ладоней. Через пару дней он вынужден был признать: средство и впрямь отличное. Кожа дышала свежестью, стянутость исчезла, а само снадобье пахло не цветами, а лёгкой травяной горчинкой. Наверняка А-Сюань подмешал туда немного целебного женшенья.

— Ого, Гоудань, ты что, морду мажешь? Прямо как девица на выданье! — весело загоготал Чэнь Вэньлай, застав соседа за утренним туалетом.

От неожиданности Гоудань едва не выронил баночку. Уши его вспыхнули пунцовым цветом.

— Чего орёшь, придурок?! — огрызнулся он, пытаясь скрыть смущение за напускной грубостью.

Когда остальные обитатели комнаты тоже повернули головы, скрываться стало бессмысленно. Гоудань решил идти напролом:

— Ну мажу, и что с того? Где написано, что мужикам запрещено спасать кожу от обветривания?

— Да нет, никто не запрещал... — пролепетал притихший Чэнь Вэньлай, не ожидавший такого яростного отпора.

— Ну так и завали хлебало! — отрезал Ли Кай.

Чжао Шэн заинтересованно сунул нос в его тумбочку:

— Слушай, а баночка-то у тебя необычная. Что за марка? Новинка какая-то?

Гоудань опешил. «Мать твоя женщина, ты-то куда лезешь? Тоже, что ли, мажешься?»

— Это А-Сюань сам приготовил, — буркнул он, пряча банку в ладони. — Воздух тут сухой, вот он и состряпал по старинному рецепту. Само собой, в магазине такого не купишь. И не суй нос, духами не пахнет.

— Ну почему же, пахнет, — принялся Чжао Шэн и сморщился. — Горькими травами какими-то отдаёт. То ли дело моя мазь — пахнет за версту, приятно и сладко!

— Да ладно тебе, Ли Кай, чего ты развоевался, — подал голос Ван Фан. — На севере ветра злые, кожа миглом трескается. Если есть хорошая вещь под рукой, глупо ею не пользоваться.

«Серьёзно?» — Гоудань подозрительно прищурился, выискивая в его словах насмешку. В их деревне мужики отродясь ничем лицо не мазали: сполоснули водой, теранули жёстким полотенцем — вот и весь уход.

— Честное слово! — Ван Фан полез в свой ящик и извлёк круглую синюю баночку крема «Байцзюэлин». — У меня с детства кожа сухая. Чуть похолодает — ладони и пятки трескаются

до крови. Без этой мази я бы загнулся. Так что нечего тут стыдиться, все мы люди. Да и Чэнь Вэньлай сам мажется, только помалкивает!

Гоудань уставился на Чэнь Вэньлая недобрый взглядом. «Ах ты паршивец! Сам пользуешься, а на меня пальцем тычешь!»

— Эй-эй, братец, ты не так понял! — замахал руками Вэньлай, пятясь назад. — Просто ты у нас такой суровый, кремень-мужик, хоть в метель, хоть в грозу выстоит. Кто ж знал, что ты тоже баночками балуешься? Я просто опешил от неожиданности! Ничего дурного я не имел в виду.

— Вот именно. В деревнях народ привык к простоте, никто на внешность внимания не обращает.

— Да ладно вам, — вздохнул Ван Фан. — Деревенская серость — это от бедности. Там не то что мужики — бабы хорошего крема купить не могут, вот и ходят обветренные. Не от хорошей жизни они «суровые» такие. А у тебя, Ли Кай, средство целебное, домашнее, без бабских парфюмерных отдушек. Чего тут стесняться?

А ведь верно говорит.

Гоудань согласно кивнул, бросил баночку в ящик стола и с сухим щелчком провернул ключ в замке.

— И то правда. Зачем терпеть, если можно по-человечески жить? — К Гоуданю быстро вернулась его обычная уверенность. Раз уж все вокруг так делают, значит, репутация сурового мужика не пострадает. Вот и отлично.

Но если с сухостью кожи он совладал, то с жаром, бушевавшим внутри, сделать ничего не мог.

В последнее время его тело изнывало от избытка молодой, рвущейся наружу силы. По утрам пах наливался тяжёлой, неодолимой истомой, а стоило съесть что-нибудь поплотнее или поострее, как кровь прилиwała к голове так, что едва носом не шла. Шутка ли: с самого приезда в город, вот уже добрые полмесяца, они с А-Сюанем не оставались наедине. Мысли так и так возвращались к былым ласкам. Гоудань с силой растёр лицо ладонями, стараясь прогнать сладкое наваждение.

Воздержание давалось с трудом. Гоудань принялся лихорадочно перебирать в уме расписание лекций — обязательных, факультативов, практических занятий — своих и Ван Сюаня. Пытался выкроить хотя бы пару свободных часов, когда они оба будут предоставлены сами себе. Если в ближайшие дни они не выпустят пар, его точно разорвёт на части от похоти.

Ему шёл двадцать первый год — самый расцвет мужской силы, да и А-Сюань от него не отставал.

«Нет, так дело не пойдёт. Надо поговорить с А-Сюанем, объяснить ему всю вредность долгого воздержания с точки зрения медицины. Он у нас лекарь дипломированный, и в восточной, и в западной науке смыслит — должен войти в положение».

С глуповатой, мечтательной улыбкой Гоудань принялся чиркать карандашом по сложенным вместе листкам расписания, выстраивая коварный план свидания.

Ничего не подозревающий Ван Сюань в этот момент прилаживал кости к анатомическому манекену в лаборантской. Внезапно его передёрнуло от необъяснимого озноба. Он удивлённо огляделся по сторонам и растёр плечи.

— Похоже, и впрямь холодать начинает...

<http://bllate.org/book/19654/1996823>